

Елена
Арсеньева

Ж
Течаянная
свадьба

Елена Арсеньева
Нечаянная свадьба

«ЭКСМО»

2018

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Арсеньева Е. А.

Нечаянная свадьба / Е. А. Арсеньева — «Эксмо», 2018

ISBN 978-5-04-093399-0

Оставшись сиротой, юная Лида Карамзина приезжает в имение своего дядюшки. Боже, что же творится за спиной этого доброго старика! Молодая жена изменяет ему не только с кузеном, но также с лакеем и прочими. А Лиду, не успевшую даже осмотреться здесь, обвиняет в разврате и корысти... Спасая свою жизнь и честь, темной ночью девушка пытается бежать из дядюшкиного дома, но оказывается... повенчанной с тем самым кузеном тетушки! Зачем согласился столь спешно жениться известный на всю губернию ловелас, мчавший молодую супругу в свое поместье? Только ли из-за того, что Лида ослепительно красива – в чем она непрестанно убеждается, без конца заглядывая в подаренное на свадьбу фамильное зеркальце?..

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-093399-0

© Арсеньева Е. А., 2018
© Эксмо, 2018

Содержание

Пролог	6
Глава первая. Дальняя дорога	8
Глава вторая. Появление «Медведя»	16
Глава третья. Дядюшкин дом и его обитатели	24
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Елена Арсеньева

Нечаянная свадьба

© Арсеньева Е.А., 2018

© ООО «Издательство «Э», 2018

* * *

*И всюду страсти роковые,
И от судеб защиты нет!*

А. С. Пушкин

Пролог

Идти через березняк было не страшно. Лунный свет дробился в вершинах деревьев, длинными полосами ложился на траву, оплетал березовые ветви, будто легкие белые ленты, и Лида вспомнила рассказы няни о русалках. Они-де в Русальную неделю¹ качаются на березовых ветвях, вплетают в свои длинные косы солнечные лучи и лунный свет, хохочут, поют, окликают неосторожного путника, всякого норовя завлечь в свои гульбища... Но Лиде совершенно нечего было опасаться. При встрече с ней даже самая смелая русалка либо в листве с перепугу спрячется, либо вовсе со своей березы свалится и пустится наутек. К тому же Русальная неделя уже миновала, так что волноваться не о чем.

Роца постепенно редела, и вот перед Лидой открылась лужайка, за которой начиналось кладбище. Вдали мерцал под луной церковный купол, но сейчас от церкви следовало держаться подальше!

Погост выглядел обычным: плакучие березки среди могил, множество крестов, покосившаяся избенка кладбищенского сторожа, казавшаяся необитаемой, а может быть, и в самом деле необитаемая.

Рядом с избенкой Лида увидела ворота.

Эти ворота выглядели тем более странно, что огорожено кладбище не было. Их можно было обойти, однако Лида все-таки прошла через них, как если бы соблюдала некий ритуал...

Вроде бы ничего не произошло: она всего лишь прошла сквозь ворота, и под ногами та же земля, та же трава, по которой она шла в березняке, и так же побеги куманики² и дикой малины, расплзшиеся по земле, тянутся со всех сторон, чтобы вцепиться в юбку, – а между тем на плечи словно бы набросили платок, сотканный из льдинок и снежинок, до того Лида вдруг озябла. Может быть, это не ветви тянутся, а неслышно высунулись из земли мертвые костлявые длани?..

Еще совсем недавно Лида так мечтала о смерти, что утопиться вознамерилась, а теперь не хотелось умирать, ни за что не хотелось! Надеждой живет сердце, и эта надежда заставляла Лиду идти и идти меж могил, лишь изредка передергивая плечами, чтобы унять озноб, и стараясь не глядеть по сторонам.

Впереди из лунного света выступил черный, обугленный остов старой, давно сгоревшей часовни. Неподалеку от нее та могила, на которую и решила прийти Лида...

Конечно, можно было сделать все что нужно, лишь войдя в ворота, однако не могла, ну не могла она заставить себя подойти к чужой могиле и раскопать ее! Как бы не обиделся, как бы не оскорбился обитатель того подземного жилища, как бы не вознамерился до смерти напугать незваную гостью, как бы не вырвался из-под земли: возмущенный, страшный, обглоданный червями, гниющий, уже почти смешавшийся с прахом земным! А Иона Петрович... а дядюшка... он все-таки был Лиде родным человеком!

Так убеждала себя девушка, с каждым шагом все ближе придвигаясь к новехонькому, сиявшему белизной свежеструганных досок кресту.

Внезапно ей послышался легкий шелест за спиной, и словно бы мерзлым колом пронзили всю, от макушки до пят! Мгновенно оледенев душой и телом, Лида с превеликим трудом подавила желание обернуться. Ведь ежели обернувшись и оказавшись лицом к лицу с неведомым, она лишится рассудка от ужаса, то не добьется того, что ей так необходимо!

---

¹ Русальная неделя (она же Троицына неделя) идет в народном календаре вслед за Троицей, которая отмечается на пятидесятый день после Пасхи, а оттого зовется еще Пятидесятницей. – *Здесь и далее прим. автора.*

² Так в народе иногда называют ежевику.

Поэтому, скрепившись духом, Лида решительно опустилась у могилы на колени и, сдвинув в сторону стебли цветов, покрывавших ее, принялась руками разрывать мягкую землю по краю холмика.

Вырыв достаточно глубокую ямку, положила туда зеркальце, стараясь ни в коем случае не взглянуть в него, и снова засыпала ямку.

Страшно было... Не описать никакими словами, до чего ей было страшно! Конечно, мертвое тело Ионы Петровича положили в гроб, который накрепко заколотили, потом засыпали землей, однако, как известно, мертвецу, если он захочет выйти из могилы, никакой гроб, никакая земля не преграда. Вот если только вбить злему покойнику в сердце осиновый кол, тогда дело другое. Однако если кому такой кол вбивать, то уж никак не добрейшему Ионе Петровичу!

– Дядюшка, – прошептала Лида, чувствуя, как шевелятся на шее завитки волос – то ли от ветерка, пробежавшего среди берез и наполнившего кладбищенскую тишину легким шумом, то ли от страха, – дядюшка, простите, что тревожу ваш покой, но помогите мне, Бога ради! Вы той ночью сказали, что мне посчастливилось... Так пусть же мне и в самом деле посчастливится! Помогите мне Христа ради, дядюшка!

Вдруг ей послышалось за спиной какое-то стремительное движение – то ли тяжелые шаги, то ли прыжки.

Лида вскрикнула, резко выпрямилась, попыталась броситься наутек, однако чья-то рука накрепко обхватила ее сзади за горло.

В этой хватке было что-то потустороннее, потому что человеческие пальцы не могли оказаться такими холодными и скользкими...

Глава первая. Дальняя дорога

Умно порешили, барышня, первый класс выбрав! – сказал железнодорожный кассир, подавая Лиде два кусочка картона приятного желтого цвета. На одном было написано:

«Московско-Нижегородская железная дорога. Билет 1-го класса от Москвы до Владимира. Билет действителен только на тот поезд, на который взят».

На другом почти слово в слово повторялось то же самое, вот только действителен был билет на поезд от Владимира до станции Вязники.

– Кондуктор вам место укажет со всем уважением, – подсказал кассир. – И удобства немалые, не то что в третьем классе! Это не для вас. Там, кто первый поспел, тот и атаман, кто смел, то и сел, а кто не поспел, тот на полу притулится, в углу поместится.

Лида покосилась на Феоктисту, стоявшую рядом и прожигавшую кассира взглядом. Губы горничной были неодобрительно поджаты, словно она хотела прошептать: «Ишь, разболтался!» Да уж, ей крайне не понравилось, что Лида отказалась взять билет в тот вагон, в котором ей было приказано ехать Авдотьей Валерьяновной Карамзиной, госпожой Феоктисты.

– Ну и чего ж, я ж сюда в третьем классе – и ничего, живая! – возмутилась горничная, когда Лида наотрез отказалась путешествовать до Вязников на самых дешевых местах.

Лида ездила по железной дороге единственный раз в жизни, еще с отцом – в Санкт-Петербург, – и не без испуга наблюдала толпу, штурмовавшую вагоны для простой публики. Хотя прошли те времена, когда четвертый (его ныне отменили за крайним неудобством) и третий класс цепляли сразу к паровозу, отчего пассажиры этих вагонов всю дорогу задыхались от дыма (теперь сразу за паровозом шли багажный и почтовый), а все же люди прибывали в пункт назначения крепко прокопченными и покрытыми угольной пылью, если осмеливались открыть окна, ну а если не решались на это, то вынуждены были задыхаться. Зимой же в третьем классе зубами стучали всю дорогу, в то время как пассажиры второго и первого класса согревались горячими кирпичами, которые меняли каждые три часа. Ходили слухи, будто в новых вагонах, которые теперь ходят из Санкт-Петербурга в Москву и обратно, уже устроены печи и ретирадные места с благословенными бурдалю³, нарочно предусмотренными для дам в их пышных платьях с кринолинами⁴.

Правда, на Московско-Нижегородской железной дороге появились только эти самые места, за что пассажиры, конечно, возблагодарили железнодорожное начальство самыми пылкими выражениями, хоть и не вслух. Кому нравилось на станциях бегать по перрону в поисках уборной, боясь опоздать к отправлению?! Да и никаких деликатных бурдалю в этих общих уборных не имелось, конечно!

Взяв билеты и прощально улыбнувшись кассиру, Лида холодно взглянула на Феоктисту:

– Ну что же, встретимся во Владимире, на пересадке. За багажом присматривай на станциях!

– Это что, мне на каждой остановке туда бегать прикажете? – вскинулась было Феоктиста, но осеклась, встретив еще более холодный взгляд Лиды. Буркнула что-то и пошла в свой вагон, даже не удосужившись поднести Лидин саквояж⁵, который та намеревалась взять с собой в дорогу. Впрочем, на счастье, тут же сыскался носильщик.

³ Ретирадное место, ретирад (*от франц. retirade* – отступление) – то же, что и отхожее место. Бурдалю (*от франц. bourdalou*) – подкладное судно, которое стало очень популярно у дам, когда в XVIII веке начали носить кринолины, и вернулось в 60-х гг. XIX в. вместе с возвращением этой моды.

⁴ Кринолин – широкая нижняя юбка колоколом на тонких обручах. С 1859 г., когда нижние юбки стали не в моде и дамы начали носить панталоны, кринолином стали называть собственно каркас из обручей, на который надевалась верхняя юбка.

⁵ Саквояж – (*от франц. sac de voyage* – сумка для путешествия) – мягкая, обычно кожаная сумка среднего размера с небольшой ручкой и замками.

Лида только головой покачала, глядя вслед Феоктисте. Уже не раз приходилось девушке слышать, будто многие бывшие крепостные, получив год тому назад волею государя Александра Николаевича свободу, с необыкновенной скоростью избаловались и всячески принялись подчеркивать свое равенство с теми, на кого раньше без поклона и взглянуть не смели. Особенно это касалось дворовых слуг, а Феоктиста была горничной дядюшкиной жены, то есть немало избаловалась своим положением в доме и теперь считала себя особой привилегированной.

Лида, впрочем, не любила людей принижать. Ей совершенно не нужно было, чтобы Феоктиста лебезила и заискивала, поминутно целуя то плечико, то ручку и умильно морщась в улыбочках, однако эта служанка слишком уж старательно подчеркивала неприязнь к племяннице своего хозяина! Видимо, сиротство Лиды и то, что она покидает Москву ради жизни в деревне, под дядюшкиным присмотром, вызывало у Феоктисты некое снисходительное презрение. И это, конечно, могло повергнуть Лиду в уныние и даже вызвать слезы обиды, кабы за три года, минувшие после смерти матери, девушка не изменилась бы разительно.

Иногда она и сама удивлялась, как быстро превратилась из изнеженного, избалованного котенка, не ведавшего никаких забот, в хозяйку дома, которой приходилось и с прислугой управляться, и счет деньгам вести, и стол заказывать, и ухаживать за отцом, который после смерти любимой жены мечтал, казалось, только об одном: последовать за ней как можно скорее... Он даже в Санкт-Петербург свозил Лиду только потому, что обещал это жене! А потом, сочтя, что все его обязательства и перед дочерью, и вообще перед жизнью исполнены, покорно предался болезни, которая вскоре и свела его в могилу.

Перед смертью отец сам, из последних сил, написал своему единственному брату, жившему в небольшом имении под Вязниками, заклиная позаботиться об осиротевшей племяннице, а Лиду заставил поклясться, что отныне она будет слушаться дядюшку как родного отца. Что скрывать: давала она эту клятву обливаясь слезами, и не только потому, что даже думать о смерти отца было ей страшно, но и потому, что это означало переезд из Москвы в деревенскую глушь, во Владимирскую губернию, Вязниковский уезд, в деревню Березовку.

– Ништо, милая! – уговаривал ее Павел Петрович. – Подумаешь, Москва! Суета одна. Разве мыслимо оставаться в этом торжище одинокой сироте?! Добро бы сыскался тебе муж, так ведь кто ни сватался, были тебе не по нраву, а неволить милое дитятко был я не в силах. Еще и в том закавыка, что нет среди моих знакомых никого, кого мог бы я сделать опекуном твоим, кому и тебя, и приданое твое немалое вполне доверил бы. А Иона – брат родной, он за тобой приглядит, да и ошибок молодости уже повторять не станет. Бог милостив, не обойдет тебя счастливая судьба! Поверь: лучше в твои молодые годы жить в глуши, в тишине да под добрым родственным приглядом. А Иона очень добрый человек. Добрый, но, такая беда, своенравный. И много мучений претерпел по своенравию своему.

Отец никогда не распространялся об отношениях с младшим братом, однако матушка по секрету поведала Лиде, что Иона Петрович Карамзин, бывший в детстве ребенком послушным, тихим, с годами изменился разительно и крепко оступился на скользкой дорожке: проигрался в карты вчистую, да еще подделал вексель с отцовской подписью, за что едва не угодил в тюрьму. Отец его все-таки смог спасти – с помощью непомерных взяток, данных судейским; клялся-божился более не преступать закона и стать сыном послушным, однако немедленно и ослушался: женился не на той, которую батюшка для него высватал было, а на дочери обедневшего помещика...

Впрочем, старик Карамзин тоже был крутого нрава! Разгневавшись за мотовство и непослушание, он так и не простил младшего сына до самой своей смерти. Лишил Иону не только наследства, но и мало-мальской помощи, оставив его с молодой женой и ребенком бедовать в Березовке, разоренном долгами поместье его тестя, все богатство которого составляло лишь

с десяток дворовых. Жена Ионы вскоре умерла в родах, но тот остался жить в Березовке, ухаживая за больным стариком тестем и вместе с ним перебиваясь с хлеба на квас.

Павел Петрович, очень любивший младшего брата, помогал ему чем мог втайне от отца, а потом, после кончины Карамзина-старшего, передал Ионе половину всего, что досталось ему в наследство, восстановив справедливость, попорченную разгневанным отцом. Поначалу младший брат ерепенился, гордо нос воротил от помощи, которую называл подачкой, однако, когда сломал на охоте ногу и надолго оказался прикован к постели, все же согласился принять деньги. Лечение деревенского эскулапа, впрочем, оказалось неудачным, Иона Петрович так и остался хромым, иногда и вовсе обезноживал в дурную погоду, но все-таки Березовку не покинул.

Получив свою часть наследства, он постепенно отстроил обветшалый дом, прикупил у разорившего соседа земляные и лесные угодья, а также крестьян, вновь женился – и зажил упорядоченной помещицкой жизнью, пусть и не роскошествуя, но все же вполне благосостоятельно, тем паче что оказался рачительным хозяином и сельскую жизнь полюбил. Со временем схоронил Иона Петрович бывшего тестя; умерла и вторая жена, и тоже в родах. С семейной жизнью ему не везло! Некоторое время он оставался одиноким.

Потом овдовел и Павел Петрович. Братья регулярно переписывались, однако навестить друг друга за минувшие годы так и не собрались:

Иона Петрович до сих пор не изжил стыда, что живет братними благодеяниями, ну а Павел Петрович стыдился того, что невольно вынужден выступать в роли дарителя и благодетеля, что было глубоко противно его щедрой и скромной натуре.

Тем паче он не сомневался, что брат исполнит свой долг и приютит Лиду! Дом в Замоскворечье Павел Петрович завещал городской казне – с условием, чтобы вырученные от продажи деньги непременно пошли на вспомоществование вдовам и сиротам, в пользу которых он немало жертвовал при жизни.

Ответное письмо от Ионы Петровича пришло скоро. Он поклялся брату, что сочтет за счастье принять у себя племянницу и постарается заменить ей отца. Сообщал он также, что женился в третий раз, взяв за себя бесприданницу, дочь дальнего соседа, девицу Авдотью Протасову, так что Лидуша, приехав, не будет обделена и материнской заботой.

И вот настало время исполнить ему свое обещание...

Получив известие о смерти брата и уточнив, когда Лида сможет выехать в Березовку, дядюшка прислал для ее сопровождения горничную своей жены, письмом заверив девушку, что отныне ей не придется ни о чем беспокоиться.

Что и говорить: по части хозяйственной Феоктиста оказалась выше всех похвал! Все вещи Лиды были упакованы самым заботливым образом. Даже странно было наблюдать такую хватку у горничной сельской барыни! Впрочем, Феоктиста не преминула похвастать, что с малолетства жила при маменьке Авдотьи Валерьяновны, а та знавала лучшие времена, чем в замужестве! У нее Феоктиста прошла немалую выучку, была лицом доверенным, а после смерти старой госпожи стала пользоваться абсолютным доверием госпожи молодой.

Поджатые губы и вечно сведенные к переносице брови Феоктисты, ее одежда, весьма далекая от крестьянской, а скорее, приставшая бы городской мещанке, ее неприятная, вызывающая манера держаться и разговаривать раздражали Лиду несказанно, но девушка пыталась сдерживаться. Однако, когда она наотрез отказалась мучиться в вагоне третьего класса семь часов пути от Москвы до Владимира, а потом, после пересадки на другой поезд, еще два, а то и три часа до Вязников, Феоктиста вообще стала вести себя так, словно Лида совершила ужасное преступление. Видно было, что каждое слово Авдотьи Валерьяновны для горничной непреложный закон, и если бы госпожа Карамзина приказала племяннице мужа добираться до деревни пешком, это тоже было бы с одобрением воспринято Феоктистой. Кажется, еще чуть-чуть – и горничная бы принялась выговаривать Лиде за непослушание!

Однако у Лиды хватило присутствия духа осадить Феоктисту, купив себе новые билеты за свой счет и не без некоторого ехидства напомнив горничной, чтобы не забыла вернуть хозяйке те деньги, которые были переданы Лиде от госпожи Карамзиной на поездку в третьем классе. Разумеется, у Лиды и в мыслях не было, что Феоктиста прикарманила бы их, но поставить на место невесть что возомнившую о себе служанку сам Бог велел!

И вот наконец с помощью заботливого кондуктора Лида прошла по проходу через чистый, уютный вагон, где приятно и ненавязчиво пахло лимонной кельнской водой⁶, только что разбрызганной в вагоне из новомодного, лишь недавно появившегося в обиходе пудрёза⁷, и села в уголке дивана, к окошку. Кондуктор шепнул, что на этом месте будет особенно удобно поспать, когда барышня захочет отдохнуть, да и в кринолине здесь сидеть удобнее, чем около прохода.

Пока Лида сдвигала назад свой очень скромный, но все же занимающий некоторое место кринолин и усаживалась полубоком, опершись на подлокотник, кондуктор уложил ее черную шляпку-кибитку, украшенную палевыми и серыми цветочками, в картонку, а картонку и корзину с провизией поместил в особую сетку. Пассажиры первого и второго класса сдавали свои тяжелые и громоздкие кофры в багажный вагон, в то время как вагоны третьего класса были забиты не только людьми, но и их вещами, среди коих можно было увидеть даже клетки с домашней птицей! Небольшой кожаный саквояж Лида положить в сетку отказалась и держала его на коленях, поскольку его содержимое имело для нее особенную ценность и она опасалась выпустить его из рук.

После смерти отца Лида осталась богатой наследницей. Даже при себе у нее имелась основательная сумма, хранимая в этом самом саквояже в секретном отделении вместе с кое-какими драгоценностями, унаследованными Лидой от матери. Сокровища были прикрыты томиком Пушкина, дагеротипными портретами родителей, ночной сорочкой, туалетными принадлежностями, пеньюаром и уложенными в вышитый холстинковый мешочек пантуфлями⁸. Капитал же, большая часть драгоценностей и коллекция картин, заботливо собираемых ее отцом на протяжении всей жизни, находились под банковской опекой до Лидиною совершеннолетия⁹ или замужества. Если же ее настигала бы преждевременная кончина, всё наследовал дядюшка, но возможность близкой кончины представлялась Лиде маловероятною... так же, впрочем, как и скорое замужество!

Она перехватила любопытный взгляд дамы, усевшейся на противоположном диване. Лида приветливо улыбнулась и поздоровалась, однако дама неприязненно – точь-в-точь Феоктиста! – рассматривала ее изящное платье с модным, сдвинутым назад кринолином, отделанное дорогим кружевом, и накинутую на него шелковую шаль. Сама дама была облачена в темно-коричневое невзрачное платье с несколько перекошенным кринолином и такой же мрачный бурнус. Свою шляпку она снять не пожелала и сидела с неестественно выпрямленной шеей, опасаясь смять его о спинку дивана. Это придавало даме еще более осуждающий и суровый вид.

Лида и сама знала, что ее-то черное платье мрачным отнюдь не выглядит, хотя и считалось траурным. Да, она была скромницей, отнюдь не модницей, а все же сумрачных, так называемых немарких, тонов в одежде не любила и даже траурный наряд, носить который ей предстояло еще месяц, постаралась оживить блондовым¹⁰ воротничком, такими же манжетами и

⁶ Слово «одеколон» (eau de Cologne) – в переводе с французского означает «кельнская вода».

⁷ Пудрёз (от франц. poudreuse) – пульверизатор, опрыскиватель, устройство для распыления жидких ароматических веществ.

⁸ Пантуфли (от франц. pantoufle) – легкие домашние туфли без задников, шлепанцы.

⁹ Совершеннолетие в Российской империи определялось возрастом применения прав состояния, то есть распоряжения имуществом и средствами: с опекуном в 17 лет, без опекунов (как в ситуации нашей героини) – в 21 год.

¹⁰ Блонды (от франц. blonde – белокурый) – дорогое, очень тонкое плетеное кружево из шелка-сырца цвета слоновой

куракинской шалью¹¹ в тон; к тому же хотелось ей предстать перед деревенскими родственниками не жалкой сиротой, а московской барышней, одетой вполне по моде. Что же до шали, то это было истинное сокровище, купленное Лиде отцом, который обожал делать жене, а потом дочери такие изысканные подарки. Подобные шали продавались лишь в нескольких модных лавках, были в Москве еще редкостью, хотя в Петербурге вошли в моду, и постоянно вызывали завистливые женские взоры.

Прозвенел звонок кондуктора, поезд дал прощальный гудок и тронулся. Поплыли мимо окон городские улицы, а потом и окраины Москвы, и Лида, отвернувшись от неприязненной соседки, пыталась удержаться от слез. Кто знает, надолго ли покидает она старинную русскую столицу, в которой прожила всю жизнь? Кто знает, что ждет ее на новом месте? Поладит ли с дядюшкой, а главное, с его супругой? Ведь если такова с ней горничная, то какова же будет госпожа?

Раньше, узнав, что Авдотье Валерьяновне недавно исполнилось двадцать два года (то есть она была всего лишь на пять лет ее старше), Лида радовалась и надеялась, что подружится с такой молодой тетушкой. Однако пока непохоже было, что та хочет подружиться с племянницей, судя по манерам ее горничной и этому приказу ехать в унижительном третьем классе. Или дело в ее скупости? Неужели она полагала, что богатая племянница ее мужа не вернет деньги за проезд? Но это же смешно!

Чтобы немного отвлечься, Лида окликнула кондуктора, который помог ей достать из сетки корзиночку с припасами, и с удовольствием съела сдобную булку с маком (а потом и другую, ибо отсутствием аппетита никогда не страдала), запивая горячим чаем из большой фляги, укутанной в шерстяной платок. Она знала, что на некоторых станциях уже открыты недурные привокзальные буфеты, да и местные жители приносят к вагонам разнообразную еду, а все же решила запастись своей любимой сдобой с маком от Филиппова, чья семейная булочная на Тверской улице была необычайно популярна уже полвека, не меньше. Слишком уж недолго стояли на станциях поезда, а выскакивать, разыскивать какого-нибудь торговца почище, потом второпях жевать, косясь на поезд – не тронулся ли? – не хотелось. Да и неведомо, вернется ли когда-нибудь Лида в Москву, неведомо, отведает ли когда-нибудь еще столь полюбившихся ей филипповских лакомств, печально размышляла Лида, уплетая вторую булочку. Аппетит у нее всегда возрастал от переживаний, а сейчас, на крутом повороте судьбы, переживать все-таки было о чем...

Сладкие маковые булочки и в самом деле помогли Лиде успокоиться, и мысли ее приняли иное направление. Может быть, миролюбиво подумала девушка, Авдотья Валерьяновна, которая выросла в деревне и мало что успела повидать в жизни, просто чересчур доверилась своей опытной и самовольной горничной? Что, если пренеприятнейшая Феоктиста посвоевольничала и, взяв для Лиды самые дешевые билеты вместо самых дорогих, просто положила бы разницу в карман? В таких подозрениях не было ничего удивительного, потому что все знали, насколько разболтались слуги, получив вольную. Если раньше они пеклись о господском добре даже больше, чем о своем собственном, то теперь не стеснялись запустить руку в господский карман. Вероятно, и Феоктиста такая же! Открыть ли тетушке глаза на неприглядное поведение ее горничной или промолчать? Лида призадумалась. Вроде бы и надо, однако же вдруг Авдотья Валерьяновна окажется крутого нрава и скорой на расправу? Как ни противна Феоктиста, а все-таки ее жалко...

Так и не придя ни к какому решению, Лида вынула из саквояжа и открыла изрядно затрепанную, зачитанную до дыр и заботливо одетую в коленкоровую обложку любимую

кости. Мода на эти тончайшие кружева пришла из Франции еще в XVIII в., однако в России их плели на коклюшках из особого шелка, привезенного из Китая.

¹¹ Куракинская шаль – изготовленная на кружевной мануфактуре А. Куракина в Малоархангельском уезде Орловской губернии. Эти шали были необычайно модны в России в описываемое время.

книжку – пушкинского «Евгения Онегина». Собственно говоря, Лида знала этот чудесный роман наизусть и сейчас почти не глядела на страницы, едва слышно бормоча:

Господский дом уединенный,
Горой от ветров огражденный,
Стоял над речкою. Вдали
Пред ним пестрели и цвели
Луга и нивы золотые,
Мелькали сёлы; здесь и там
Стада бродили по лугам,
И сени расширял густые
Огромный, запущенный сад,
Приют задумчивых дриад.
Почтенный замок был построен,
Как замки строиться должны:
Отменно прочен и спокоен
Во вкусе умной старины.
Везде высокие покои,
В гостиной штофные обои,
Царей портреты на стенах,
И печи в пестрых изразцах...

Окажется ли Березовка хоть отчасти похожей на картину, нарисованную Пушкиным и ставшую для Лиды чем-то вроде путеводителя в ее новой жизни?

– Приют задумчивый дриад... – рассеянно пробормотала она восхитительные строки, но мысли ее были далеки от этих существ, созданных воображением античных сказителей. Она едет в Березовку не как Евгений Онегин – она окажется там на положении Татьяны: девушки, мечтавшей о любви и наконец-то влюбившейся. Лида тоже мечтала о любви, а потому не могла не задумываться о том, что за соседи окажутся у дядюшки.

Воображению ее являлся некий красавец помещик, молодой и галантный, элегантный и добродушный, зажиточный и щедрый, хорошо воспитанный и простой в обращении, начитанный и веселый. Был он высок ростом, строен, это уж непременно, однако иные приметы оказались не столь точны, а скорее, расплывчаты: сероглаз... нет, черноок, брюнет, нет, все же блондин... он прискакал на прекрасном вороном коне и ловко осадил его перед Лидой, а затем спешился, чтобы поднять оброненный ею платочек...

Лида уснула и улыбалась во сне, настолько приятен был возникший в ее воображении образ.

Так, перемежая сон, чтение и прощание с филипповскими булочками, она провела дорогу до Владимира, и эти почти семь часов вовсе не показались ей слишком длинными. Правду говорят, что железные дороги сделали Россию меньше!

Отблагодарив кондуктора щедрыми чаевыми, Лида сошла на перрон перед красивым, хоть и небольшим зданием владимирского вокзала, огляделась – и увидела Феоктисту, которая спешила к ней в сопровождении носильщика, катившего тележку с багажом.

– Хорошо ли отдохнули, барышня? – спросила горничная так ласково и участливо, что Лиде почудилась издевка в этих словах. Но нет – улыбалась Феоктиста искренне, глаза ее смотрели приветливо, вообще облик и все манеры ее изменились разительно.

«Уж не подменили ли ее?» – скрывая смешок, подумала Лида, но в свою очередь улыбнулась Феоктисте, показывая, что не помнит зла. Ну что ж, если горничную и в самом деле подменили, Лида ничего против такой подмены не имела. Конечно, вернее всего, что Феокти-

ста сама о своем поведении призадумалась, поняла, что непомерно большую волю себе дала, и теперь опасалась, что гостя нажалуется на нее хозяйке. Однако Лида, которая была хоть и вспыльчива, но отходчива, мигом обиду забыла. Не в ее правилах было заставлять людей мучительно раскаиваться в ошибках; к тому же сохранять добрые отношения с горничной тетушки показалось ей разумным. Вряд ли в деревне скоро сыщется хорошо обученная и умелая горничная для самой Лиды, поэтому, пожалуй, придется какое-то время полагаться на Феоктисту.

Время до пересадки на нижегородский поезд еще оставалось, поэтому Лида, убедившись на собственном опыте в правдивости той аксиомы, что в дороге аппетит возрастает многократно, отправилась в станционный буфет, где заказала еду и для себя, и для Феоктисты. Конечно, прислугу в столовое помещение не пускали: Феоктисте вынесли пирожки и кружку сбитня, с которыми она и устроилась на бревнах, сложенных неподалеку от вокзала, однако пирожки были с пылу с жару, сбитень – горячим, и Лида со спокойной совестью отправилась обедать сама. Да, было уже за полдень (из Москвы выехали ни свет ни заря, в семь часов утра), следующий поезд отправлялся через час, а оттуда еще в повозке до Березовки часа два, а то и три, это уж какая дорога будет...

Лида и сама не знала, торопит она время или, наоборот, не хочет, чтобы оно шло слишком быстро. Ей и хотелось поскорей оказаться на новом месте, и страшновато было войти в незнакомый дом, в котором, быть может, ей придется провести много лет (если, конечно, не встретится тот, кто недавно пригрелся ей, пока она дремала в вагоне!), увидеть дядюшку, а главное – Авдотью Валерьяновну...

Но замедлить или ускорить течение времени никто не властен, оно идет своим чередом, человеческим настроениям не подвластным, и вот уже к перрону подан поезд, вот уже началась погрузка багажа, вот уже главный кондуктор прошел по перрону, помахивая фонарем (и оттого чем-то напоминая Диогена, ибо стоял белый день) и громогласно объявляя, что господа пассажиры могут занимать свои места, вот уже новый, но по-прежнему чрезвычайно любезный кондуктор показывает Лиде удобное место в уголке дивана и укладывает в сетку почти опустевшую корзинку, уверяя, что ежели еще что-нибудь понадобится барышне, то он, кондуктор, забросит все прочие дела, только чтобы примчаться к ней на помощь. «Ах, неужто в железнодорожные служители нарочно подбирают таких обходительных молодых людей?!» – подивилась Лида, даже не подозревая, что любезность сия вызвана не столько отменными служебными качествами, сколько вниманием к необыкновенно хорошенькой и прекрасно, явно по-столичному, а отнюдь не провинциально, одетой девушке.

Поезд тронулся, и Лида, как ни была взволнована встречей с будущим, снова вздремнула, убаюканная мерным качанием рессорного вагона.

Станный явился ей сон на этом предпоследнем отрезке ее путешествия... настолько странный, что, позднее его вспоминая, она сочла его вещим и только диву давалась, почему не вняла тем пророчествам, которые в нем являлись.

Снилось Лиде, будто идет она по лесной тропинке, а вокруг на кустах и деревьях развешаны ее московские наряды. Вот и любимое сизое платьице в воланах, пущенных по юбке, вот и палевое с блондами, вот зеленое, вот амазонка, сшитая некогда по настоянию матушки и несколько раз обкатанная в аллеях Нескучного сада и в Сокольниках, где Лида училась верховой езде. Да весь ее не слишком богатый, но и не слишком бедный гардероб отчего-то вытряхнут из кофров! Лида пугается: что же она будет делать в Березовке без туалетов? Надо их собрать! Начинает снимать платье с кустов, но кружева и оборки цепляются за ветки, рвутся; у расстроенной Лиды уже слезы на глазах, она громко всхлипывает – но вдруг испуганно замирает, слыша, как трещат кусты под чьей-то тяжелой поступью. И вот меж деревьев показывается широкоплечая кряжистая фигура. Да не медведь ли это, пугается Лида, роняя уже совсем было отцепленное платье и пяясь, но спиной утыкается во что-то твердое, наподобие стенки, и понимает, что спасения ей нет. И тут вдруг возникает перед ней красивая дама: черноволосая,

черноглазая, одетая в необычайно яркое, ну просто-таки по глазам бьющее яркостью платье цвета «аделаида»¹², и начинает колотить Лиду такой же аделаидовой омбрелькой¹³, отделанной по краям черной бахромой, крича: «Отдай! Да отдай же ты мне его!» Лида, занятая только тем, чтобы защититься от ударов, ничего не может понять. И тогда дама вдруг хлещет ее острым наконечником омбрельки крест-накрест по лицу... Лида не чувствует боли, однако видит кровь, хлынувшую ей на грудь из порезов, и понимает, что лицо ее безнадежно изуродовано, изуродовано навсегда! А дама, увидев дело рук своих, разражается радостным хохотом и... бросается напрямиком к медведю, повисает у него на шее и осыпает его ужасную морду поцелуями. А тот поворачивается к Лиде и рычит приветливо: «Проснитесь, барышня!»

В эту же время раздался не рык звериный, а человеческий голос, который так же заботливо повторял:

– Проснитесь, проснитесь же, барышня!

Лида открыла глаза, увидела озабоченную физиономию склонившегося к ней вагонного кондуктора – и первым делом схватила за щеки, а потом взглянула на руки.

Никаких шрамов! Никакой крови! Слава Богу, это был только сон!

– В Вязники мы прибыли, – сказал кондуктор, улыбаясь. – Извольте сойти, барышня, не то в Нижний Новгород вас увезем!

Лида вскочила, выхватила из картонки шляпку, кое-как нахлобучила ее и, прижимая к себе саквояж, бросилась вслед за кондуктором, который уже нес ее корзинку к выходу, прокладывая путь мимо новых пассажиров, вошедших на этой станции и спешивших занять свои места. Он помог Лиде спуститься со ступенек на платформу, низко поклонился, снова вскочил в вагон, махнул желтым флажком – и тут же раздался паровозный гудок. На остановку в Вязниках отведено было совсем малое время.

---

¹² «Аделаида» – красный с лиловым оттенком цвет.

¹³ Омбрель (*от франц. ombrelle*) – небольшой складной зонтик от солнца.

Глава вторая. Появление «Медведя»

«А багаж? Успели багаж-то выгрузить?» – встревожилась Лида, но, оглядевшись, она увидела несколько знакомых кофров, сваленных как попало на платформе, а рядом Феоктисту и какого-то худощавого крестьянского парня в линялой кумачовой косоворотке, утиравшего вспотевший лоб, едва видный из-под стриженных в кружок волос.

– Чуток не проспали, барышня? – участливо спросила Феоктиста, опять-таки ничем не напоминавшая себя утреннюю. – А мы со Степаном, – кивнула она на парня, видимо кучера, – едва успели с багажом управиться. Сейчас вещи погрузим – и тронемся в путь. Эх, нам до сумерек в Березовку добраться бы!

Лида взглянула на часики-медальон. Ах, уже пять. Смеркается здесь, наверное, ближе к девяти. Да... если по какой-то причине задержаться в пути, можно и впрямь появиться в Березовке уже затемно.

– А хороша ли дорога? – спросила Лиза.

– Да ничего, хорошая! – ответил Степан, глядя на нее без особой приветливости и даже не сделав попытки подойти и приложиться к ручке.

Лида осмотрела кучера внимательней и заметила, что он очень похож на Феоктисту – широкими бровями, низким лбом, близко посаженными глазами, темно-русыми волосами, у горничной, правда, уже тронутыми сединой. Однако при всем этом сходстве Степан был гораздо красивее, чем Феоктиста, ну и, конечно, куда моложе.

«Сын? – подумала Лида. – А может быть, младший брат?»

Она хотела спросить, однако возможности такой не представилось: предложив Лиде посидеть на бревнышках (все станции недавно проложенной Московско-Нижегородской железной дороги достраивались на ходу, поэтому штабель бревен и гора досок были непременной принадлежностью каждой), Степан и Феоктиста принялись грузить багаж. Таскали они его споро и уже через какие-то десять минут пригласили Лиду в *экипаж*.

Она обошла станционную постройку – да так и ахнула, увидев то, что именовалось этим громким словом. *Экипажем* оказался заляпанный по бортам давно засохшей грязью четырехколесный шарабан с двумя рядами поперечных сидений. Если он и знал лучшие времена, то давно их позабыл! Заднее сиденье было завалено Лидиными кофрами – именно завалено, поскольку чемоданы и сундуки не сложили, а напихали как попало, горой, – а на переднем, сразу за спиной кучера, предстояло поместиться рядышком Лиде и Феоктисте.

– Неужто нельзя было сложить вещи поаккуратней?! – возмутилась Лида. – Порастеряем ведь по пути!

Однако Степан поглядел успокаивающе:

– Да как по маслицу доедем, барышня! Не тряхнет, не колыхнет! Зимой у нас дороги, конешное дело, никуда не годные: то наледи, то распутица, а вот по летнему времени – благодать!

Ну и Феоктиста снова завела:

– Ой, не мешкая надобно ехать, чтобы до сумерек поспеть! – так что Лида махнула рукой, невольно поддавшись общему настроению да и сама не желая задерживаться, и забралась в шарабан, едва не разодрав о какую-то коварную щепку драгоценную шаль.

Тронулись. Вскоре закончились Вязники – станция находилась на окраине этого крошечного городишки – и шарабан оказался на проселочной дороге.

Окрестности были живописны, и воздух чист и свеж, и небо сияло, словно и впрямь над землей воздвигся голубой, хрустальный, пронизанный солнечным светом купол, и жаворонок трепетал где-то в непроглядной вышине, источая свои трели, – однако же Лиде не было до этого ровно никакого дела. Она была занята тем, чтобы удержать на голове шляпку и самой не

вылететь из шарабана, который весело подскакивал на каждой кочке, на каждом ухабе, которыми изобиловала эта дорога, вернее, то, что здесь называлось этим словом. Вдобавок Степан знай погонял крепкую коняшку, запряженную в шарабан. Ей, по всему виду, ни в какую ни в тягость не был немалый груз: мчалась во всю прыть, потряхивая головой, отчего колокольчик под дугой брэнчал еще громче, заглушая и топот копыт, и скрип колес, и стук кофров один о другой, и Лидины беспомощные оханья и вскрики:

– Помилуйте, нельзя ли потише?!

– Да и так еле плетемся, надо поспеть до сумерек! – знай покрикивали в ответ то Степан, то Феоктиста, и окрестности продолжали вскачь проноситься мимо, а Лида чувствовала, что по окончании этого безумного путешествия ее придется выносить из шарабана на руках и немедля вызывать к ней докторов – лечить переломанные кости. Она никак не могла понять, отчего само понятие сумерек вызывает у кучера и Феоктисты такой страх, что они даже не внемлют Лидиным жалобным мольбам.

Впрочем, иногда дорога становилась до такой степени отвратительной, что Степан вынужденно замедлял ход, видимо понимая, что шарабан просто не выдержит скачки по совсем уж высоким ухабам. Тогда Степан просил Лиду и Феоктисту пройти немного пешком, и это было разумно, потому что на таких ухабах седоку в повозке удержаться было бы непросто, и вещи Лиды уже дважды вываливались из шарабана и были водворены на место – с прежней, впрочем, небрежностью.

Они проехали уже порядочное расстояние, как вдруг шарабан особенно сильно подскокивал, потом накренился, чуть вовсе не завалившись, и очередной чемодан рухнул на дорогу и даже раскрылся.

В пыль вывалились книги, и Лида, позабыв про ушибы и синяки, выпрыгнула из шарабана и бросилась подбирать свои сокровища. Здесь были их с матушкой любимые книги: сказки, которые Лиде читали в детстве, конечно, Пушкин, Лермонтов и Гоголь, «Русская хрестоматия» Галахова (два тома в одном), зачитанные до дыр романы Панаевой и Некрасова¹⁴, – а также несколько французских романов мсье Дюма, еще не разрезанных, купленных перед самым отъездом... Видеть этих друзей своей души лежащими на пыльной дороге Лиде стало так больно, что она едва не разрыдалась.

Не доверяясь более никому, она собрала книги, сложила их в чемодан, застегнула его понадежней, сама, натужившись, взвалила на повозку и только тогда подошла к Феоктисте и Степану, которые, не обращая на ее хлопоты ни малейшего внимания, внимательно разглядывали переднее колесо шарабана.

– Что случилось? – спросила Лида.

– Ось перегорела! – буркнул Степан.

– Как же мы поедem? – испугалась девушка.

– Да как-нибудь! – бесшабашно ответил Степан, словно не он только что чесал в затылке, пытаясь понять, что делать с перегоревшей осью, и бодро полез на козлы.

– Садитесь, барышня! – пригласила Феоктиста, проворно взбираясь на свое место.

– Но как же ось?!.. – робко заикнулась Лида, однако Степан махнул рукой:

– Да ништо! Как-нибудь!

– Лишь бы до сумерек поспеть! – завела прежнюю песню Феоктиста, и тут Лида не сдержала любопытства:

– Почему вы так боитесь сумерек?

– Места здесь, близ Протасовки, дурные, – пожившись, пояснила Феоктиста. – Речка Вязня – ох опасная! Есть места чистые, а есть такие, что в травах подводных да иле увязнуть

---

¹⁴ Писательница А. Я. Панаева в соавторстве с Н. А. Некрасовым написала романы «Мертвое озеро» и «Три страны света», бывшие необычайно популярными в описываемое время.

можно запросто. А еще говорят, будто чудища там живут, имя которым и есть вязни. Оттого и название река получила, да и всем Вязникам его дала. В стародавние времена, сказывают, вязни утащили к себе какого-то князя, ну и с тех пор призрак его ночами по берегам шастает и народ к себе заманивает, хочет еще кого-нибудь в тине утопить, чтобы не скучно ему было. Немало душ невинных погубил! Но всем здешним страхам страх – это, конечно, Маремьяна.

– Кто ж такая это Маремьяна, если она даже страшней призрака? – поежилась Лида.

– Маремьяна, барышня, это... – начала объяснять Феоктиста.

– Вот она! – вдруг испуганно прохрипел Степан, натягивая вожжи одной рукой, а другой, с зажатым в ней кнутовищем, ткнув куда-то в сторону.

Лида повернулась туда и увидела сороку, которая взмыла из придорожной рощицы и, подлетев совсем близко к шарабану, зависла в воздухе, едва шевеля крыльями, в точности как это делают ястребы, паря в воздушных потоках. Однако чтобы сороки вот так парили прямо над землей, да еще вертя при этом головами с превеликим любопытством, Лиде видеть еще не приходилось.

– Пошла прочь, сила нечистая! – закричала Феоктиста, правой рукой крестясь, а левой размахивая и норовя прогнать сороку, которая, впрочем, не обращала на ее действия никакого внимания и продолжала, вертя своей маленькой, иссиня-черной головкой, наблюдать за людьми.

– Степка, прогони ее! – взвизгнула Феоктиста, но Степан даже не пошевелился, уставившись на сороку как зачарованный.

Наконец, похоже, сороке надоело разглядывать людей, она порскнула в сторону и скрылась в той же рощице, откуда прилетела.

Феоктиста и Степан вздохнули с таким облегчением, так истово перекрестились, что Лиде стало смешно.

– Почему вы думали, что сорока послушается Степана? – спросила она Феоктисту.

– Потому что Степка с Марфушкой, Маремьяниной дочкой, хороводился, дурень! Будто других девок не осталось, только это ведьмино отродье! – непримиримо воскликнула Феоктиста.

Степан только зыркнул на нее исподлобья:

– Не со мной одним, известно, Марфушка хороводилась! Нагуляла уж точно не от меня!

– Значит, Маремьяна – ведьма?! – так и ахнула Лида.

– Да еще какая! – воскликнула Феоктиста. – Давно бы надо станового¹⁵ на нее напустить, а то и спалить ее логово, но Иона Петрович трогать ее не велит. Она, видите ли, барышня, от грудной жабы его излечила да стрел составных¹⁶, вот барин ее и защищает.

Лида только молча переводила глаза с Феоктисты на Степана и обратно. У нее не укладывалось в голове, как в мире, где по железным дорогам уже бегут поезда, кто-то еще может верить в ведьму-сороку, которая своим искусством вылечила местного барина!

Очень хотелось рассмеяться, однако у Феоктисты и Степана были такие серьезные и испуганные лица, что Лиде стало неловко.

Ну что ж, если им хочется верить в такую чепуху, пусть верят!

– Однако, может быть, теперь поедем? – напомнила она. – Вы, кажется, хотели попасть в Березовку до сумерек?

Похоже, Лидины спутники об этом начисто забыли, так они перепугались, так заспешили, и даже кобылка, чудилось, мчалась со всех ног теперь не только потому, что ее нахлестывал кучер, но и потому, что была обуяна страхом. А Лида все время вспоминала две народные пре-

¹⁵ Становой пристав – полицейское должностное лицо в Российской империи. Он возглавлял стан – полицейско-административный округ из нескольких волостей. Под его началом были сотские, десятские и полицейские урядники.

¹⁶ Стрелы – стреляющие боли, стрелы составные – боли в суставах (*устар.*).

мудрости: во-первых, что поспешишь – людей насмешишь, а во-вторых, что на всякую телегу свой ухаб сыщется...

Так оно и вышло: на очередной рытвине не выдержали уж две оси. Повозка резко накренилась; в разные стороны покатались оба правых колеса, заднее и переднее, и шарабан рухнул набок. Чемоданы, корфы, сундуки повалились на землю, Феоктиста вывалилась тоже, а Степан и Лида каким-то чудом удержались: он – за дугу, Лида... ну, она сама не знала, как и за что удержалась, но все-таки осталась в повозке. Самое удивительное, что, избавившись от груза, шарабан налетел на еще одну ухабину – и вернулся в прежнее положение, так что Лида и Степан, повиснув было над землей, снова оказались сидящими на своих местах.

Кобылка, к счастью, не пострадала и продолжала резво перебирать ногами в сломанных постромках, словно показывала свою ретивость и желание продолжать бег, и ей даже удалось немного сдвинуть шарабан, но тут очухавшийся Степан натянул вожжи, и лошадь поуспокоилась.

Феоктиста, тоже, к счастью, не пострадавшая при падении, поднялась на ноги и, отряхиваясь, разразилась проклятиями в адрес Степана, хотя ей следовало бы проклинать также и себя.

– Всё! – крикнула она рыдающим голосом. – Пропали мы! Теперь до сумерек мы не воротимся! Теперь прикончит нас Маремьяна! Сумерки – самое ее время!

Лида только вздохнула, выбралась из качающегося шарабана и побрела по траве собирать вещи, выпавшие из кофров. Сумерки сумерками, Маремьяна Маремьяной, сорока сорокой, а оставлять свои платья, туфельки, сумочки, накидки, шали, меха, сапожки валяться при дороге она не собиралась. У нее был богатый гардероб, ибо отец одевал ее ну буквально как куклу и никогда не жалел денег на ее прихоти. Впрочем, если уж говорить честно, прихотей у Лиды было не столь уж много, и гораздо чаще случалось так, что отец буквально силком заставлял ее принять в подарок очередную обновку.

Собирая вещи в охапку, она вдруг подумала, что эту картину – разбросанные по траве и повисшие на кустах наряды – она вроде бы уже когда-то видела... И тут же вспомнила сон, который приснился ей в поезде. И вот сон этот начал сбываться! А раз так, теперь, видимо, следовало бы ожидать появления медведя...

В это мгновение раздался топот копыт, и из-за поворота показалась быстро, но при этом осторожно двигавшаяся открытая двуколка на высоких колесах. Каким-то непостижимым образом вознице удавалось заставлять свою лошадь идти ровной, нетряской рысью, словно дорога не была усеяна рытвинами и ухабами.

Однако, взглянув на этого возницу, Лида не смогла сдержать сдавленного крика, потому что в первую минуту показалось ей, что медведь и в самом деле появился! Впрочем, она немедленно сообразила, что медведи двуколками не управляют, а все дело в том, что пролетка двигалась против низко опустившегося уже солнца, оттого очертания фигуры этого человека и казались такими темными, громоздкими и неуклюжими. Но вот он подъехал, и Лида разглядела, что у него очень широкие плечи, которые делал еще шире наброшенный на них роклор¹⁷. Увидев этот роклор, Лида вдруг почувствовала, что озябла: ближе к сумеркам стало прохладнее, и тонкая шелковая шаль ее уже не грела.

Она с любопытством уставилась на незнакомца.

Росту он оказался не слишком высокого, был скорее кряжистым, чем стройным. На первый взгляд казался он лет около тридцати. Мягкая шляпа была низко надвинута на лоб, затеняя резкие черты лица, имевшего мрачное, неприветливое выражение. Небольшая, очень аккуратная черная бородка и ухоженные усы, твердые губы, над которыми нависал хищный нос. Он

---

¹⁷ Роклор или рокелор (*от франц. goquelaurge*) – просторная мужская накидка-плащ без рукавов и с большим воротником, бывшая очень популярной среди путешественников и провинциальных помещиков в описываемое время.

вряд ли мог бы считаться не только красивым, но даже привлекательным, если бы не раскосые и очень темные глаза, окруженные длинными стрелчатыми ресницами. В этих глазах было нечто таинственное, и у Лиды почему-то сжалось сердце, когда взгляд незнакомца обратился к ней. Сердце неистово заколотилось, девушке стало страшно, как не бывало никогда в жизни, и потребовалось немало сил, чтобы если не наутек броситься, то хотя бы лицо руками не закрыть и не выставить себя полной дурочкой.

А дурочкой казаться перед этим незнакомцем Лиде почему-то никак не хотелось...

И все-таки она выглядела, вероятно, очень глупо, замерев перед ним с охапкой разноцветных платьев, прижатых к груди, потому что губы незнакомца чуть изогнулись в усмешке, а глаза словно ощупали Лиду с головы до ног и с ног до головы.

Она почувствовала, что краснеет. И этого мало: ее просто в жар бросило!

– Не могу ли я быть вам чем-нибудь полезным, барышня? – спросил он чуть хрипловатым баритоном, снимая мягкую фетровую шляпу и обнажая бритую голову. При этом вид у него сделался диковатый и даже разбойничий, так что Лиду снова зазнобило от страха.

Эти пугающие броски то в жар, то в холод были для нее непривычны и неприятны. Она изо всех сил пыталась справиться с собой, выдавить хоть слово, но сердце по-прежнему колотилось неистово, дыхание прерывалось, горло перехватывало, и Лида с ужасом подумала, что сейчас рухнет без чувств к ногам этого незнакомца.

Вот ужас! Вот потеха! Вот стыд!

– Батюшка, милостивец, Василий Дмитриевич! – заголосила в это мгновение Феоктиста, кидаясь вперед и норовя припасть к руке возницы, которую он, впрочем, облобызать не позволил. – Сам Бог вас послал! Не оставьте в беде внезапной, неожиданной, не покиньте сирот!

– А кто здесь сироты? – слегка усмехнулся Василий Дмитриевич, не сводя глаз с Лиды, и от этого хрипловатого смешка по ее телу прошла новая волна жара. Стало совсем худо.

Помогла удержаться на ногах только довольно унижительная мысль, что Василий Дмитриевич рассматривает ее так пристально, скорее всего, потому, что прежде ему не доводилось наблюдать, как может женское лицо с такой быстротой то краснеть, то бледнеть.

– Ваша маменька, сколь я помню, – продолжал Василий Дмитриевич, обращаясь к Феоктисте и Степану, но не сводя глаз с Лиды, которая краешком своего помутившегося сознания подумала, что она угадала: эти двое – брат и сестра, – еще жива. Неужто вы, барышня...

Тут он оборвал себя, соскочил с повозки, проворно намотав вожжи на ступицу колеса, и подошел к Лиде.

Ей неудержимо захотелось попятиться, однако ноги ее не слушались.

– Неужели вы, барышня, племянница Ионы Петровича, дочь его недавно упокоившегося брата? – спросил Василий Дмитриевич. – Мне бы следовало сразу догадаться: я слышал о вашем прибытии. Примите мои соболезнования в связи с вашей утратой.

Лида слегка кивнула, думая, что надо бы протянуть руку для знакомства, однако она как вцепилась в охапку платьев, так и не могла расцепить пальцев, и выглядела, конечно, преглупо, однако пусть уж лучше так: ведь она, наверное, умерла бы на месте, если бы этот человек коснулся ее руки своими твердыми обветренными губами.

«Да что со мной творится?!» – вскричала она мысленно, однако ответа в своем помраченном сознании не нашла, ибо ничего подобного никогда прежде не испытывала.

– Позвольте рекомендоваться, – продолжал Василий Дмитриевич, – я Протасов Василий Дмитриевич, ближайший сосед вашего дядюшки. А вы...

– Ли... Лидия Павловна Карамзина, – с превеликим трудом выдавила Лида, ужаснувшись тому, как звучит ее голос. Да и не голос это был, а какой-то жалобный писк.

Боже мой, что он о ней подумает, этот человек!

Понятно что. Приехала из Москвы невоспитанная, жеманная, трусливая барышня, которая держится хуже любой, самой забубенной провинциалки!

Отец когда-то рассказывал, что их полковой лекарь (в молодые годы Павел Петрович участвовал в польской кампании¹⁸, да по ранению был списан вчистую) врачевал простуду радикальным способом: хлеща заболевшего крапивой. И ведь помогало!

В данном случае роль крапивы сыграл стыд, не менее жгучий, чем это растение. И ведь помогло!

Лида почувствовала, что крепче держится на ногах, да и голос ее окреп: она смогла вполне связно попросить Протасова съездить в Березовку за помощью.

Протасов выслушал ее, обошел покалеченный *экипаж* со всех сторон и, заявив, что вещи придется перевозить на другой телеге, а эту *рухлядь* (Лида с великим трудом подавила смех, услышав столь точное определение *экипажа*) придется тащить волоком, но не для того, чтобы починить, ибо совершить сие невозможно, а чтобы порубить на дрова. Он, Василий Дмитриевич Протасов, проделал бы это прямо здесь, с удовольствием размявшись, и топор у него в двуколке есть, однако добро чужое, даже столь неприглядное, уничтожить негоже без хозяйского на то дозволения. Поэтому, ежели будет Лидии Павловне угодно, он, Протасов, подвезет ее до Березовки и расскажет хозяевам, которые, конечно, ждут ее с нетерпением, о случившемся, а уж они распорядятся о том, чтобы отправить подмогу Степану и Феоктисте.

– Вы же, – сурово обратился Василий Дмитриевич к этим двоим, – извольте все добро Лидии Павловны собрать самым заботливым образом и сложить, чтобы ни бусинки, ни платочка, ни чулочка не пропало!

При этих словах Лида подозрительно покосилась на Протасова. Отчего-то послышались ей в этом строгом приказе иронические нотки... пожалуй, Василия Дмитриевича и в самом деле насмешило количество всякого дамского барахла, вывалившегося из кофров.

«А интересно, у его супруги богат ли гардероб или этот господин считает его пополнение пустой забавой?»

При этой мысли Лида вдруг ощутила себя до крайности несчастной. Понять почему, она не пыталась, иначе пришлось бы признаться себе, что причиной этого стала одна только мысль о супруге «этого господина».

Кроме того, углубиться в размышления помешал жалобный вопль Феоктисты:

– А я как же?! Возьмите меня с собой, Василий Дмитриевич, барин милостивый!

– А я как же? – вскричал и Степан. – И меня возьмите!

– А что с вами станется, коли вы здесь до ночи пробудете? – осведомился Василий Дмитриевич, насмешливо вскинув бровь.

– Так Маремьяна же! – возопили брат и сестра в один голос. – Сумерки... темнота... Маремьянино время! Небось она и сейчас здесь, где-нибудь своего часа ждет.

Василий Дмитриевич огляделся и вдруг свистнул в два пальца, да таким громким разбойничьим посвистом, что Лида испуганно вскрикнула, а Феоктиста и Степан даже присели. Где-то вдали послышался недовольный сорочий стрекот, а потом все стихло.

– Как видите, ничего страшного, – усмехнулся Василий Дмитриевич. – Вам-то чего пугаться? Даже я ее не боюсь, хоть она злопамятна... всей моей семье известно, до чего злопамятна!

На миг лицо его затуманилось, и Лиде страстно захотелось броситься к нему, сказать что-то утешительное... она даже не представляла, в чем собирается утешать, однако стремление оказаться рядом с ним, коснуться его было почти неодолимым. Она еле сдержалась, чтобы не отшвырнуть платья и не сжать вместо них руки Василия Дмитриевича.

«Стыдись! Стыдись!» – мысленно увещевала она себя, уже отчаявшись понять, что с нею творится, и занятая только тем, чтобы сладить с этими желаниями.

¹⁸ Имеется в виду подавление мятежа в Польше в 1831 году.

– Хорошо, – проговорил Василий Дмитриевич, – тебя, Феоктиста, мы возьмем с собой, но не прежде, чем ты соберешь все вещи Лидии Павловны и не увяжешь сундуки как следует. Степка останется их стеречь, и берегись сбежать, прежде чем за тобой не приедут! Если Иона Петрович на расправу скуп, то я на нее щедр, понял?

– Понял, – уныло кивнул Степан, а Феоктиста, метнувшись было поцеловать Василию Дмитриевичу руку (правда, тот успел ее отдернуть), ринулась собирать разбросанные вещи.

Василий Дмитриевич подал Лиде руку и помог ей взобраться в двуколку. Пережив несколько волнующих мгновений, когда руки их соприкоснулись, Лида наконец уселась на обтянутое кожей, мягкое сиденье и, откинувшись на высокую спинку, блаженно закрыла глаза. Да, здесь было очень удобно по сравнению с тряским шарабаном! Однако блаженство заключалось в прикосновении жестких, сильных пальцев Василия Дмитриевича к ее руке...

– Удобно ли вам, Лидия Павловна? – спросил Протасов, и Лида кивнула, не открывая глаз. Конечно, он сочтет ее невежей, но ей было страшно снова взглянуть на этого человека, который произвел на нее столь сильное, неодолимое впечатление. Только услышав его удаляющиеся шаги, она осмелилась разомкнуть ресницы, поудобнее разместила свой кринолин и приказала Феоктисте подать ей бархатный палантин, валявшийся на траве, и заветный саквояж, порадовавшись, что была так предусмотрительна и положила в него столько нужных вещей. Неведомо, привезут ли сегодня в Березовку багаж, но Лиде хотя бы не придется спать в чужой ночной рубашке!

Потом Феоктиста, показав чудеса проворства и аккуратности, уложила разбросанное Лидино имущество в чемоданы и сундуки, затем они вдвоем со Степаном поставили их один на другой, и запыхавшаяся Феоктиста понеслась к двуколке. Проворно вскочив в нее, она придулилась на подставке для ног, потому что на сиденье могли поместиться лишь двое, и Лида только сейчас осознала, что отдельного места для кучера в двуколке нет: он сидит рядом с седоком.

И вот Василий Дмитриевич, отдав последние наставления Степану, который уныло ссутулился рядом со штабелем кофров, сел рядом с Лидой, очень ловко потеснив, но ничуть не смяв ее кринолин. Очевидно, ему довольно часто приходилось разъезжать с этой двуколке с дамами в широченных модных юбках, сообразила Лида, и сердце ее сжалось при этой мысли: все-таки господин Протасов, конечно, женат, и супруга его, судя по этой его ловкости, изрядная модница! Непомерная печаль охватила Лиду при этой догадке, слезы подступили к глазам, она едва сдержалась, чтобы не выскочить из двуколки, боясь позорно расплакаться, но было уже поздно: Василий Дмитриевич дернул вожжами, присвистнул, понукая своего буланого мерина, и тот послушно рванулся вперед.

Да, и впрямь: двуколка, запряженная столь сильным конем, каким выглядел мерин, шла на редкость плавно, почти без тряски, так что даже Феоктиста, сидевшая в ногах и сначала испуганно цеплявшаяся за Лидино платье, наконец поуспокоилась, поняв, что не выпадет на дорогу.

Примерно через полчаса пути Лидино сердце наконец перестало прыгать на своих собственных духовных ухабах, она немного привыкла к ощущению Василия Дмитриевича рядом с собой, к тому, что иногда при повороте вынуждена была даже прижиматься к нему, и смогла наконец спросить:

– Отчего, господин Протасов, ваша повозка идет так мягко?

– Называйте меня по имени-отчеству, пожалуйста, не то я буду называть вас госпожой Карамзиной, – с улыбкой попросил Василий Дмитриевич. – Хорошо?

Лида робко кивнула, сомневаясь, отважится ли произнести его имя.

– А секрет мягкости хода моей двуколки только в рессорах, – продолжал Василий Дмитриевич. – Таких же рессорных повозок в каретном сарае вашего дядюшки самое малое три,

и я понять не могу, отчего за вами был отправлен этот старый шарабан! Или Степка сам его выбрал?

– Как бы он осмелился? – заступилась за младшего брата Феоктиста. – Авдотья Валерьяновна велела взять именно шарабан, потому что в нем вещи удобнее перевозить, чем в другом экипаже. Она же предполагала, что у барышни будет немалый багаж.

– Странно, что об удобстве для багажа Авдотья Валерьяновна позаботилась, а вот об удобствах для барышни – нет, – холодно проговорил Протасов. – Впрочем, это на нее очень похоже!

– Жестоко так говорить о моей милой барыне, – дерзко воскликнула Феоктиста, однако Василий Дмитриевич ответил, что будет говорить что ему угодно и о ком угодно, а если Феоктисте что-то не по нраву, она может сойти в любую минуту.

Феоктиста благоразумно прикусила язык и осталась в двуколке.

Впрочем, Василий Дмитриевич тоже молчал. И лицо его, на которое изредка и украдкой косилась Лида, ничего не выражало. Очевидно, он полностью сосредоточился на том, чтобы провести двуколку безопасно через все ухабы и рытвины, которыми дорога иногда так изобилвала, словно кто-то изуродовал ее нарочно. Правда, Лиде показалось, что разговор об Авдотье Валерьяновне чем-то Протасова расстроил, однако какое дело могло быть Василию Дмитриевичу до дядюшкиной жены и того, какую повозку она отправила за Лидой, этого она не понимала.

Но вот дорога стала ощутимо лучше. Потом некоторое время двуколка мчалась по просторной березовой аллее, уже затемненной подступавшими сумерками, и вот открылась просторная лужайка и показался одноэтажный помещичий дом с двумя флигелями, окаймлявшими длинные крылья, с мезонином и четырьмя колоннами, поддерживающими фронтон¹⁹. Сразу было заметно, что колонны эти отнюдь не беломраморные, а деревянные, оштукатуренные и побеленные, но, с другой стороны, где же в Средней России набраться столько мрамора, чтобы на каждом помещичьем крыльце возвести не выходявшие у нас из моды вот уже второй век подряд колонны?!

Лида с волнением разглядывала дом, которому отныне предстояло стать для нее родным, его аккуратные выкрашенные окна, цветочные клумбы возле высокого крыльца, как вдруг на этом крыльце появилась фигура, которая мигом привлекла к себе все внимание девушки.

---

¹⁹ Фронтон – верхняя часть фасада здания, ограниченная округлой или двускатной крышей.

Глава третья. Дядюшкин дом и его обитатели

Это была молодая дама невысокого роста, облаченная в ярко-красное тафтяное платье, сшитое в русском духе, подобно сарафану перехваченное под грудью, и с широкими рукавами, приспособленными у кистей. Жесткая ткань топорщилась, прибавляя полной фигуре дамы объем, однако не убавляя проворства. Дама резво бросилась со ступенек к остановившейся у крыльца двуколке Протасова. При движении она напоминала небольшой костер, зачем-то вздумавший переменить место, причем тафта довольно громко шуршала и шелестела, усиливая это впечатление.

При виде ее в памяти Лиды вдруг всплыла фраза из журнала для дам «Мода»: «Женщина хорошего тона никогда не наденет ничего яркого, ничего эксцентричного, что могло бы обратить на себя внимание публики. Она, напротив, отличается простотой, но простотой утонченной, изящной, артистической, грациозной».

Простоты ни в одежде, ни в повадках этой дамы и в помине не было, зато эксцентричности – хоть отбавляй!

– Ах, Василий! – воскликнула дама низким певучим голосом, в котором звучал бурный, с трудом сдерживаемый восторг. – Неужто это ты, милый?! Глазам не верю!

– Придется поверить, Авдотья Валерьяновна, – сдержанно ответил Протасов, спрыгивая с сиденья и открывая взору дамы тех, кого до этого закрывал своей мощной фигурой: Лиду и Феоктисту.

– Барыня моя любимая, свет вы мой солнечный, Авдотья Валерьяновна! – завопила Феоктиста, срываясь с двуколки и кидаясь в ноги даме. – Вот она, племянница Ионы Петровича, вот она, Лидия Павловна, доставлена к вашей милости!

Лида, изрядно озадаченная таким выбором слов, по-прежнему сидела в двуколке, таращась в лицо Авдотьи Валерьяновны и поражаясь яркой и несколько дикой его красоте. Почему-то казалось, будто она его уже видела, но где и когда, вспомнить не удавалось. Просто подумала, что если она не знала раньше, какой могла быть Шемаханская царица, нарисованная Пушкиным в сказке «Золотой петушок», то теперь узнала. Вот такая, именно такая – не просто красивая, но и бьющая своей красотой наповал!

Через минуту, впрочем, восхищение Лиды сменилось растерянностью, а затем и страхом, однако это был совсем не тот страх, который она испытала недавно при встрече с Василием Дмитриевичем Протасовым! Тот страх относился к непонятному состоянию, овладевшему Лидой, а здесь состояние было понятным и поэтому пугающим: она чувствовала что-то недоброе, исходящее от этой ослепительно красивой женщины. В силе ее очарования была сила африканской змеи, о которой Лида читала когда-то и которая, как рассказывалось в статье, обладала способностью взглядом зачаровывать и обездвиживать жертву. Саму Лиду Авдотья Валерьяновна и точно обездвижила: та ни рукой, ни ногой не могла шевельнуть, чтобы опереться на протянутую ей руку Протасова и выйти из двуколки, язык у нее словно бы к небу присох, и она не имела сил объяснить, отчего прибыла в чужой двуколке, а не в посланном за ней шарабане и без всяких вещей.

Почему-то отсутствие у нее вещей особенно сильно возмущало Авдотью Валерьяновну!

– Вы что же, Лидия Павловна, не удосужились обзавестись приличными туалетами, и это при капитале вашем знаменитом? – выкрикивала она в странной, непонятной запальчивости, так сверкая глазами, словно намеревалась испепелить Лиду на месте. – Позорить меня вознамерились, расхаживая черной вороной, этаким пугалом? Чтобы люди говорили, что мы так негостеприимны, что и туалет приличный не в силах справиться племяннице Ионы Петровича?!

– Позволь тебе напомнить, что племянница означенного Ионы Петровича до сих пор в трауре по своему отцу, – раздался надтреснутый, слабый мужской голос, и Лида увидела,

что за спиной Авдотьи Валерьяновны распахнулась дверь и на крыльце появились еще два действующих лица.

При виде их Лида подумала, что, прожив семнадцать лет в Москве и даже побывав в Петербурге, она никогда не встречала за столь краткий промежуток времени такое количество удивительных, даже экзотических фигур. Сначала Протасов, потом Авдотья Валерьяновна... И даже с ней в экзотичности вполне мог состязаться появившийся на крыльце гигантского роста молодой мужик, весь облаченный в черное: в черной косоворотке, черных плисовых штанах, черных мягких сапожках. Был он также черноволос, чернобород и черноглаз. На руках мужик держал сухонького седого человека весьма преклонных лет, одетого в поношенный архалук²⁰, чувяки²¹ и засаленную ермолку²², который выглядел будто какой-нибудь приживал в барском доме, незначительный родственник хозяев, пригретый ими из милости. Однако в следующее мгновение она поняла, что старичок этот, с его большими серыми глазами, характерным рисунком закругленных, высоко поднятых, как бы удивленных бровей, таких же, какие Лида унаследовала от отца, и есть Иона Петрович, ее дядюшка – единственный родной человек, у нее оставшийся. Да-да, единственный, потому что распрекрасную Авдотью Валерьяновну считать родной себе (или, паче того, испытывать ее «материнскую заботу») Лида решительно не хотела!

У нее слезы навернулись на глаза и от радости оказаться вновь рядом с членом своей семьи, и от жалости, жгучей жалости к Ионе Петровичу, которого до такой степени измучила болезнь, что он выглядел лет на двадцать старше своего старшего брата, хотя на самом деле был на пять лет младше его.

– Лидуша, милая! – позвал Иона Петрович своим ласковым, хотя и слабым голосом, и Лида, всхлипнув, слетела с двуколки, даже не опершись на руку господина Протасова, бросилась, на два аршина²³ обежав Авдотью Валерьяновну, к дому, взлетела на крыльцо и припала к дядюшке, которого чернобородый мужик по-прежнему не спускал с рук.

Последовали слезы, поцелуи, бессвязный лепет людей, которые многое друг о друге слышали, однако никогда не виделись, искренние проявления радости родственников, которые одни только и остались друг у друга из всей семьи. Все это время чернявый мужик стоял неподвижно, не двинув ни одним мускулом лица, не перехватив рук, словно никакой тяжести или неудобства от своей ноши не чувствовал.

– Ну, пойдем в дом, Лидуша, пойдем в дом, милая, – пробормотал наконец Иона Петрович, не выпуская руки племянницы. – А ты, брат Касьян, – обратился он к своему могучему слуге, – неси меня в гостиную да усади там, а сам поди скажи Марковне, чтобы подавала на стол, да побыстрее, да всего повкусней пусть принесет, соленостей-сладостей-печива!

Амбигю²⁴ пускай подаст разнообразного, рыбного свежего, только с дафнией²⁵ не переборщить, как давеча. На горячее битки²⁶, потом жданики²⁷ творожные горячие, кои были ей мною лично заказаны еще вчера, на сладкое же дать битый пирог²⁸ с медом и испанский ветерок²⁹, конечно! Да пусть не вздумает сунуть под шумок каких-нибудь объедков позавчераш-

²⁰ Архалук – легкий кафтан из цветной шелковой или шерстяной ткани, присобранный у пояса, – обычная мужская домашняя одежда помещиков и дворян России в прошлые века.

²¹ Чувяки – мягкие сапожки без каблуков у народов Кавказа и Крыма. Чувяки стали в XIX в. в России мужской домашней обувью.

²² Ермолка – в России так называли небольшой головной убор без полей: что-то вроде войлочной или матерчатой маленькой шапочки. Ермолку носили дома, надевая только с халатом, архалуком или шлафроком (домашним пиджаком).

²³ Аршин – старинная мера длины, бытовавшая в России еще и в начале XX в.: примерно 70 см.

²⁴ Амбигю (от *франц.* ambigu – смесь) – разнообразные холодные закуски, подаваемые на одном блюде.

²⁵ Дафния – так в России в старину называли лавровый лист.

²⁶ Битки – старинное русское название отбивных котлет, как правило бараньих.

²⁷ Жданики – пироги, испеченные для долгожданных, особенно дорогих гостей.

²⁸ Битый пирог – воздушные русские пироги, тесто для которых взбивалось на яичных белках.

²⁹ Испанский ветерок – так в описываемое время в русской провинции называлось пирожное безе.

них, какими Авдотья Валерьяновна меня ежевечерне норовит попотчевать по обычаю своей матушки. А коли Марковна ослушается, то пристрадай, что заporю, не помилую, и никакая барыня ей заступницей больше не будет!

Чернобородый мужик, которого, как легко было понять, звали Касьяном, повернулся, чтобы вернуться в дом. Лида, чьей руки дядюшка не выпускал, влачилась за ним, как при-вязная, совершенно ошарашенная внезапно открывшимися ей тайнами семейной жизни Ионы Петровича и Авдотьи Валерьяновны. Да, похоже, не только грудная жаба да постоянные боли в неправильно сросшейся ноге изнурили дядюшку – главная хворь его называлась «Авдотья Валерьяновна», и Лида, при всей вспыхнувшей родственной любви, пожалела, что явилась в этот дом. Остро захотелось ей сейчас оказаться на станции Вязники и там, пусть даже сидя на бревнах и оставив в чистом поле все свои кофры, дожидаться обратного поезда в Москву, только бы не оставаться в этой атмосфере взаимной нелюбви, скрытых и тайных обид, попреков и ссор.

А впрочем, тут же вспомнила Лида, деваться ей в Москве совершенно некуда, а одной жить невозможно и неприлично. Выходить же замуж только ради того, чтобы сыскать себе некоего постоянного опекуна, совершенно не хотелось. Особенно с некоторых пор, а точнее, после одной встречи при большой дороге, в виду разбросанных по траве и кустам Лидиных нарядов...

Она вдруг испугалась, что сейчас войдет в дядюшкин дом – и никогда больше не увидит Василия Дмитриевича, однако Иона Петрович дернул Касьяна за руку, что, видимо, служило сигналом к остановке, и обернулся к Протасову:

– Прости, Василий Дмитриевич, забыл тебе спасибо сказать за то, что племянницу мою в целости и сохранности доставил! Так и знал я, что путешествие на этом старом шарабане добром не кончится, да Авдотья Валерьяновна, как всегда, сделала по-своему, а ее ведь не пере-споришь. Счастье, что ты согласился мне помочь да съездить поглядеть, как и что с девочкой там. Теперь окажи честь и милость, отужинай с нами, друг-соседушка.

– Не за что благодарить, Иона Петрович, – ответил Протасов с полупоклоном. – Это ты меня разодолжил, позволив услугу тебе оказать и перед такой красавицей в роли спасителя выступить. Благодарю и за приглашение, однако принять его сейчас не могу – есть неотложные дела.

– Ну, коли дела, так и быть, не неволю, – отозвался Иона Петрович, – однако завтра к обеду будь любезен появиться, иначе разобижусь смертельно! Что ты за моду вдруг взял мои приглашения да мой стол манкировать? Оно, конечно, Авдотья Валерьяновна разнообразием блюд не балует, однако же при тебе доводится и мне поесть сытно и весело! Уж она ради своего кузена все что есть в печи на стол мечет, а чего там нет, прикажет приготовить!

«Так они родственники! – догадалась Лида. – Василий Дмитриевич и Авдотья Валерьяновна – родственники, кузены. Вот отчего они так похожи, а я и не поняла сразу, кого мне тетушка напоминает... Конечно, много общих черт, только у Василия Дмитриевича их дико-ватость и резкость кажутся естественными и даже привлекательными, а у Авдотьи Валерьяновны – пугающими и даже отталкивающими».

Да батюшки ж вы мои, да неужто сыскалась бы у Василия Дмитриевича хоть одна черта, которая показалась бы Лиде не естественной и не привлекательной?! Впрочем, над этим вопро-сом она задумываться не стала, зато отметила, что весьма схож с Протасовым и Авдотьей Вале-рьяновной также и Касьян.

Ну что же, общеизвестно, что русские баре (так же, впрочем, как баре любой другой наци-ональности!) многие и многие века пользовались в своих имениях тем, что французы назы-вают *droit de prelibation*³⁰, оттого и бегают во многих поместьях России господские бастарды³¹,

³⁰ Право первой ночи, в буквальном переводе – предварительное право (*франц.*).

как две капли воды схожие с господскими же законными детьми. Видимо, Касьян из таких же бастрадов.

– Не станем загадывать, – уклончиво промолвил Протасов, не отвечая на ищущий взгляд Лиды и на гостеприимный взор Ионы Петровича. – Довлеет дневи злоба его, а завтра настанет новый день с его новой злобою.

Лида вздохнула обреченно, поняв, что Протасова и в самом деле увидит теперь невесть когда, да еще и невесть, увидит ли вообще. Было что-то категоричное, непреклонное в его внешне вежливом отказе, и чувствовалось, что, при всем его, несомненно, добрососедском отношении к больному старику, задерживаться в карамзинском доме Василий Дмитриевич избегал, избегает и впредь намерен избегать.

– Доброго вечера и спокойной ночи, Лидия Павловна, – проговорил Протасов вслед за тем, глядя как бы сквозь Лиду и намеренно не встречаясь с ней глазами. – Счастлив был знакомством.

– Спасибо, спасибо... – пролепетала она, с трудом сдерживая слезы, но дрожащий голос выдал ее состояние, и она почувствовала недоумевающий, пристальный взгляд, устремленный на нее Ионой Петровичем.

– Вот оно что! Ну что ж, коли так, то это совсем даже недурно! – пробормотал он чуть слышно с видом человека, привыкшего считать лучшим своим собеседником себя самого, но тут же спохватился и прощально кивнул Протасову, понукал Касьяна: – Чего застрял? В гостиную неси, а ты, Лидуша, следуй за мной.

Лида с понурой головой потянулась следом, однако, стоило ей перейти через порог, как она вспомнила, что у нее все-таки имеется предлог еще раз взглянуть на Протасова – саквояж-то с самым ценным ее имуществом так и остался в его двуколке! – поэтому девушка с чистой совестью воскликнула:

– Ах, я позабыла про саквояж! – и выбежала на крыльцо прежде, чем Иона Петрович успел хоть что-то сказать.

Впрочем, дальше крыльца Лида и шагу не сделала, ибо открылась перед ней такая картина, что и дыхание у нее пресеклось, и ноги подкосились, так что она принуждена была схватиться на косяк, чтобы не упасть.

Увидела она, как Авдотья Валерьяновна, и без того стоявшая близко к Василию Дмитриевичу, придвинулась к нему вплотную, закинула руки ему на шею и, вся вытянувшись, поскольку была гораздо ниже его ростом, словно бы влилась всем телом в его тело, закинула голову, закрыла глаза, приоткрыла жадные, полные, алые свои губы, а он, будто поневоле, начал клонить к ней голову... Еще миг, и рты их соприкоснутся, сольются, вопьются друг в дружку... Однако наблюдать эту картину у Лиды не было сил. Она отпрянула, едва не опрокинувшись через порог, с трудом удержалась на ногах, куда-то бросилась и влетела в какое-то помещение, в первую минуту ничего не видя, еще пребывая в состоянии сильнейшего потрясения. И только через несколько мгновений осознала себя стоящей посреди просторной квадратной комнаты с ломберными столами в простенках под зеркалами и какими-то картинами в тяжелых багетовых рамах, с большим, полным посудой, поставцом³² вдоль одной стены, с обтянутым кожей диваном вдоль другой и круглым столом, обставленным стульями, посередине.

Судя по тому, что на диване сидел Иона Петрович, это и была та самая гостиная, куда он велел себя отнести, ну а Касьян, видимо, отправился передавать его указания кухарке Марковне. И тут Лида заметила, что взгляд дядюшки устремлен в окно, а выходило это окно как раз на лужайку перед крыльцом – на ту самую лужайку, где все еще стояла двуколка Протасова... а значит, Иона Петрович не мог не видеть, как его жена пребывает в объятиях его соседа! И

---

³¹ Бастард – незаконнорожденный, внебрачный ребенок.

³² Поставец – небольшой шкаф для посуды (*устар.*).

хоть Протасов был назван кузеном Авдотьи Валерьяновны, объятие их вряд ли походило на родственное, это отчетливо понимала даже Лида при всем ее очень небольшом знании различных объятий родственных и любовных!

В следующую минуту дрожки Протасова, удаляясь, промчались мимо окна, и Иона Петрович, отведя от него взгляд, встретился глазами с Лидой. Она поразилась тем, что во взоре дядюшки не было ни боли, ни ревности, только равнодушная, терпеливая усталость, которая вмиг сменилась острым вниманием и жадным интересом к тому, что он прочел в Лидином лице. А она не успела скрыть своих чувств, она осталась беззащитной перед пронизательным взглядом мудрого, много прожившего и много испытавшего человека. Какое-то мгновение они смотрели друг на друга, а потом Иона Петрович понимающе улыбнулся и снова прошептал, как давеча на крыльце:

– Вот оно что...

Лида почувствовала, что в лицо ей как будто кипятком плеснули. Начала было поднимать руки, чтобы спрятать в ладонях горящие щеки, однако Иона Петрович предостерегающе нахмурился, погрозил ей пальцем и принял самый равнодушный вид.

Раздались тяжелые быстрые шаги, посуда в поставце задребезжала, и в дверях появилась Авдотья Валерьяновна. Да, с ее изрядной корпуленцией летать перышком ей было бы затруднительно, а плыть белой (вернее, красной, учитывая цвет ее платья) лебедушкой мешал гнев, который искажал ее прекрасное лицо и который она спешила излить на первых встречных.

Увидев Лиду, она свела к переносице брови, глаза люто сверкнули, глубокий сильный голос вдруг стал пронзительным, неприятным, режущим:

– А что это мне рассказала Феоктиста? Вам предложенный мной способ передвижения не по нраву пришелся? Решили тугой мошной своей кичиться? Но глядите, барышня, вы тут не на простых напали! Да моя маменька в таком обществе блистала, кое и не снилось вашему жалкому семейству! И почему вы свое барахло швыряете где попало, милочка? Или нарочно в двуколке саквояж оставили? Чтобы воротиться и с господином Протасовым полюбезничать? Ну так вот: коли вы теперь под мою опеку поступаете, позабудьте об этом! Никакой развратности в своем доме я не потерплю! Извольте вести себя как положено девушке из благородной семьи, а то ишь что задумала! Уже приглядела себе любовника!

У Лиды подогнулись ноги, и она, наверное, упала бы на пол, если бы не оказался рядом стул, на который она и рухнула.

Мало того, что в жизни с ней никто таким тоном не разговаривал, – она не могла постигнуть, как женщина благородного происхождения (а уж Феоктиста прожужжала Лизе все уши, что ее госпожа и такая, и сякая, и немазаная!) может позволить себе выражаться *такими* словами, говоря с молоденькой девушкой, которую она видит впервые в жизни.

– Отчего, душенька, – вдруг молвил Иона Петрович необыкновенно мягким голосом, словно говорил с балованным ребенком, с которым поговори поласковой – и он уймется, – отчего, душенька, ты так огорчена тем, что твой кузен съездил за Лидушей? И разве плохо, что он пришелся ей по сердцу? Братец твой двоюродный холост и, насколько я знаю, намерен искать себе невесту... Да ты погляди только, разве сыщет он кого-то лучше моей Лидуши? И красавица, глаз не отвести, и не бесприданница, а наоборот! Конечно, Вася Протасов и хозяин рачительный, и во лбу семи пядей, а все же в расчетах по его имению не всегда концы с концами сходятся. Он мне сам на это жаловался в те времена, когда мы приятелями были, до того еще, когда я на тебе, душенька, женился...

Лиде показалось, что по комнате искры вихрем пронеслись в двух направлениях – это скрестились взгляды мужа и жены, и она, как ни была потрясена и ошарашена, вдруг остро их обоих пожалела. Лида помнила, в какой согласии жили ее родители: именно любовь, уважение и желание сделать друг друга счастливыми скрепляли их союз, в то время как союз дядюшки и

тетушки скреплен был только взаимной ненавистью и желанием друг друга уязвить побольней да посильней.

Потом мысли ее обратились к словам о холостом положении Василия Дмитриевича Протасова, о том, что дядюшка считает Лиду достойной его невестой. Сердце ее так и забилося радостно, блаженные мечты завертелись в голове, но тотчас она одернула себя: еще неизвестно, что подумает на сей счет сам Василий Дмитриевич! – и Лида не замедлила спуститься с небес на землю.

Поединок супружеских взглядов между тем уже окончился – явной победой дядюшки.

Авдотья Валерьяновна потупилась и несколько мгновений стояла с опущенными глазами. Грудь ее – не просто пышная, но более чем пышная! – так ходуном и ходила от тяжелого, возбужденного дыхания. Наконец, откашлявшись, Авдотья Валерьяновна крикнула:

– Феоктиста! Принеси саквояж Лидии Павловны и укажи ее комнату. А вы, барышня, – Авдотья Валерьяновна к Лиде повернуться повернулась, обратиться обратилась, однако не нашла в себе сил ни назвать ее по имени, ни взглянуть ей в глаза (впрочем, этому последнему Лида могла только радоваться, опасаясь, что даже после поражения взор тетушки не утратил своей убийственной ярости), – не задерживайтесь и, умывшись, сразу поспешите к столу. Ужин готов, и мы хотели бы есть его горячим!

Появилась Феоктиста с Лидиным саквояжем в руке и, непримиримо поджав губы, сделала знак Лиде пройти в боковую дверь, ведущую в нужное крыло. Взор ее был холоден, как будто Феоктиста все это время провела в леднике³³, где проморозилась не только внешне, но и внутренне, и Лида поняла, что, повстречавшись со своей хозяйкой, горничная вновь сделалась такой же неприязненной и неприятной особой, какой она была в Москве.

---

³³ Ледник – погреб, наполненный льдом, в деревенских и помещичьих домах (*устар.*).

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.